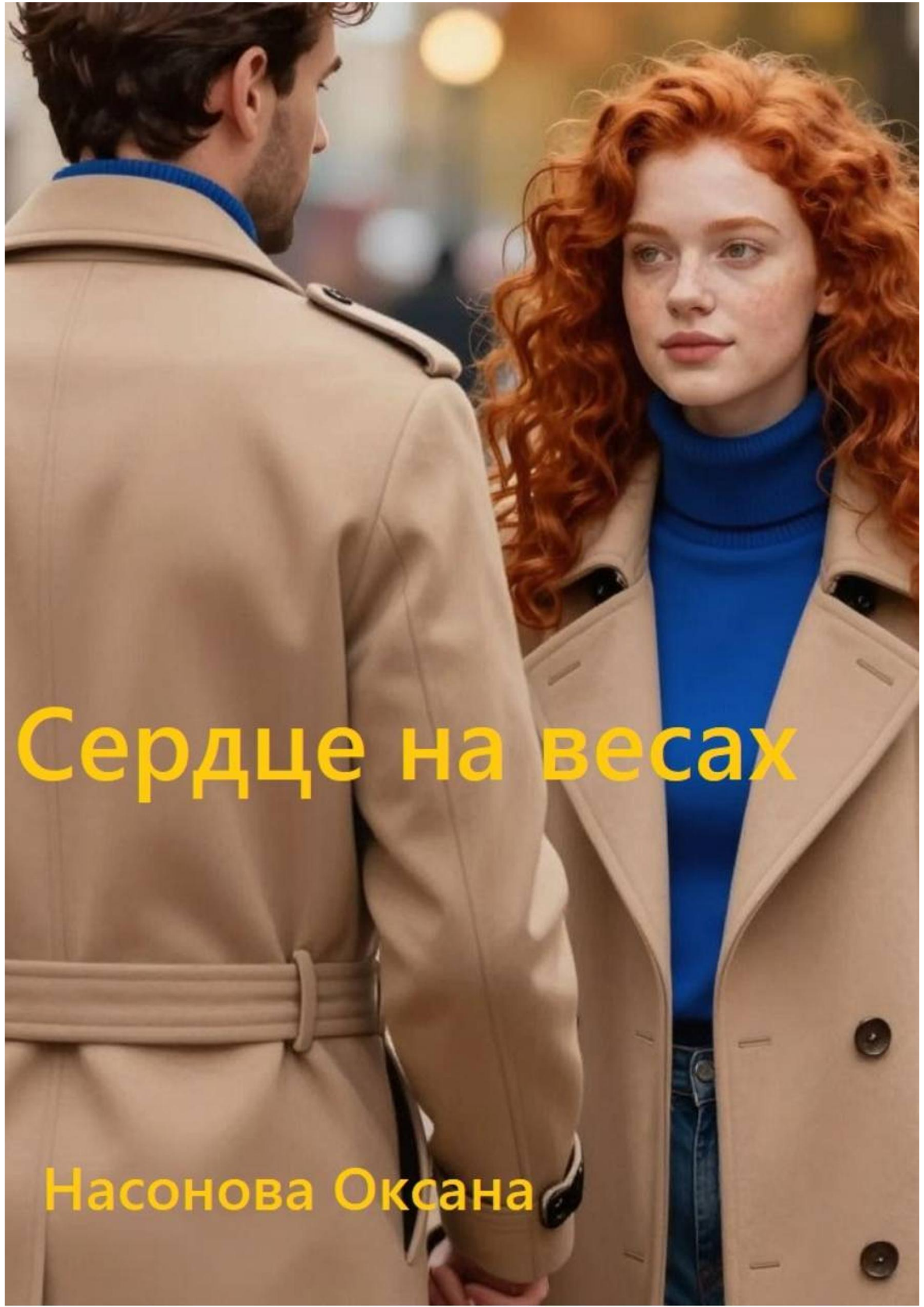

Сердце на весах

Насонова Оксана

Оксана Насонова

Сердце на весах

«Автор»

2026

Насонова О. А.

Сердце на весах / О. А. Насонова — «Автор», 2026

Алексей живёт по своим особым правилам. Эмоции он считает слабостью, а привязанность — опасной ловушкой. Его жизнь выстроена как безупречная система: холодный расчёт, железная дисциплина, никаких лишних связей. Никаких рисков — только контроль и предсказуемость. Всё меняется в тот день, когда он встречает Анну. Её искренность, лёгкость и умение видеть в людях лучшее постепенно пробивают брешь в его защитной броне. Алексей впервые за долгие годы чувствует, как внутри просыпается что-то давно забытое — желание доверять, открываться, быть рядом не по расчёту, а по велению сердца. Он осторожно идёт навстречу своим чувствам, но внутренний голос настойчиво напоминает: уязвимость может обернуться болью. Каждый шаг к Анне — это шаг против собственных убеждений. Алексей всё чаще задаётся вопросами: может ли настоящая сила заключаться в способности любить? Стоит ли жертвовать шансом на счастье ради иллюзии безопасности? И можно ли сохранить себя, впустив в жизнь кого-то ещё?

© Насонова О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жизнь без любви	5
Глава 2. Первые намёки	11
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Оксана Насонова

Сердце на весах

Глава 1. Жизнь без любви

Знаете, Алексей Воронцов — тот ещё тип. Сразу видно: человек с характером. Высокий, статный, осанка такая, будто он с детства ходил с книгой на голове — сразу понятно, что из хорошей семьи. Ему 37, но выглядит моложе: видно, что за собой следит — спорт, правильное питание, да и энергии у него хоть отбавляй.

Родился Алексей в интеллигентной семье: папа — профессор истории, мама владела небольшой художественной галереей. С детства его таскали по выставкам, музеям, возили в Европу. Учили не просто хорошо жить, а ещё и оставаться человеком. Правда, Алексей усвоил только первую часть: «Будь лучшим» — вот его девиз.

В школе и в универе он не был душой компании, но все его уважали. Не за харизму, а за то, что он всегда знал, чего хочет, и умел просчитать всё на несколько шагов вперёд. Никаких глупостей — только чёткие цели и железная логика.

К 37 годам он сделал себе имя: создал сеть бутиков премиальной одежды. Начинал с одного магазина в центре Москвы, а потом пошло-поехало: франшиза, коллаборации с мировыми дизайнерами... Деньги потекли рекой, и Алексей не стеснялся их тратить. Жизнь у него была, как в кино.

Знаете, квартира Алексея — это что-то особенное. Находится в историческом доме на Патриарших: высокие потолки, лепнина под карнизами, широкие подоконники — в таких домах ещё до революции семьи жили. Из окон открывается вид на тихий сквер: летом — зелень, осенью — золотые листья, зимой — снег, укрывший скамейки.

Эта квартира досталась Алексею от бабушки. Та всю жизнь экономила, откладывала копеечку к копейке, берегла каждую вещь. Но при этом умела создать уют: в доме всегда пахло чем-то домашним, на окнах висели кружевные салфетки, а на стенах — старинные фотографии в тёмных рамках.

В детстве Алексей обожал ходить к бабушке в гости. Он тогда ещё жил с родителями в другой части города, но каждые выходные бежал к ней, как только выпадала возможность. Бабушка встречала его у двери, обнимала крепко, целовала в макушку и говорила: «Ну, мой хороший, сейчас будем чай пить!»

Она садилась рядом на диван, раскрывала старую книгу сказок — с пожелтевшими страницами и иллюстрациями, которые Алексей разглядывал затаив дыхание. Читала медленно, выразительно, иногда останавливалась, чтобы объяснить непонятное слово или рассказать какую-нибудь историю из своей молодости. А после чтения — самое вкусное: бабушка пекла блины. Толстенькие, румяные, с мёдом или вареньем. Алексей мог съесть целую стопку и всё равно просил ещё.

Когда Алексей подрос, визиты к бабушке не прекратились. Теперь он приходил не только за сказками и блинами. После школы забегал на минутку — перехватить жареной картошки с луком, которая у бабушки получалась так, как ни у кого другого: хрустящая корочка, а внутри — мягкая, рассыпчатая. Они сидели на кухне, пили чай, и бабушка расспрашивала, как дела в школе, что нового с друзьями, не обижает ли кто.

Иногда Алексей стеснялся, но всё равно говорил правду — бабушка как-то умела это вытягивать. А ещё она всегда находила повод дать ему немного денег на личные расходы. «На мороженое», «на кино», «просто так, чтобы в кармане было» — придумывала она поводы.

Алексей поначалу отказывался, но бабушка строго поднимала бровь: «Бери, я знаю, что молодым деньги нужны».

У них были очень дружные, доверительные отношения. Бабушка никогда не ругала за промахи, не читала нотаций — просто слушала, кивала, иногда давала короткий, но мудрый совет. И всегда верила в него. Даже когда Алексей решил бросить стабильную работу и открыть свой первый магазин, она сказала: «Если ты уверен — действуй. Я в тебя верю».

Теперь, когда бабушки уже нет, Алексей живёт в этой квартире. Он сохранил многое из того, что напоминало о ней: тот самый диван, на котором они читали сказки, кружевные салфетки на комод, фотографии на стенах. Иногда, особенно по вечерам, он садится у окна, смотрит на сквер и вспоминает её голос, её улыбку, запах жареной картошки и тёплое: «Ну, мой хороший...» И в эти минуты он чувствует, что часть той детской уверенности, той безоговорочной поддержки до сих пор с ним — где-то внутри, как невидимый якорь.

Его машина, чёрный «Мерседес» последней модели всегда стояла перед окнами дома. Водитель у него был такой, что знал все объездные пути в городе — пробки Алексею не грозили. А ещё про машину Алексея надо рассказать — это отдельная история. Чёрный «Мерседес» последней модели, блестящий, как зеркало, с тонированными стёклами. Не просто транспорт — статус, комфорт и, можно сказать, маленький дворец на колёсах.

Но главное даже не сама машина, а водитель — Виктор. Вот уж кто знал город как свои пять пальцев! Он служил у Алексея уже лет семь, и за это время они выработали идеальную систему: Виктор заранее изучал пробки по навигатору, но не полагался только на технику. Он помнил все объездные пути, закоулки, дворы, где можно срезать, и даже те полузаброшенные проезды между складами, о которых обычные водители и не догадываются.

Однажды мы с Алексеем опаздывали на важную встречу в центре. Навигатор показывал полтора часа в пробке — пятница, час пик, какой-то митинг перекрыл половину улиц. Я уже приготовился нервничать, а Алексей только усмехнулся: «Не переживай, Виктор нас выручит».

И правда: вместо того чтобы стоять в общей очереди, машина свернула куда-то в переулок, потом через двор жилого дома, потом по узкой улочке за старой фабрикой — и вот мы уже выезжаем почти к самому офису. Я только головой крутил: «Как ты это сделал?!» А Виктор спокойно отвечает: «Да я тут десять лет назад уже так ездил, запомнил».

Алексей ценил это безмерно. Он терпеть не мог терять время впустую. В дороге он либо работал — отвечал на письма, проводил звонки по громкой связи, — либо отдыхал: закрывал глаза, слушал джаз или просто смотрел в окно. Никаких нервов из-за пробок, никаких опозданий — всё чётко, по расписанию.

Бывало, кто-то из знакомых подшучивал: «Лёша, может, сам за руль сядешь? Почувствуешь драйв!» Он только улыбался в ответ: «Мне не нужен драйв, мне нужна эффективность. Пока я сижу сзади и решаю дела, Виктор везёт меня туда, куда надо, и делает это быстрее всех».

Да и потом, в «Мерседесе» так удобно: кожаные сиденья, климат-контроль, тишина в салоне — ни грохота, ни тряски. Можно и документы разобрать, и кофе спокойно выпить, и даже вздремнуть минут пятнадцать, если график позволяет.

Так что машина и Виктор стали для Алексея чем-то вроде личного талисмана: пока они рядом, он всегда придет вовремя, всегда будет собран и готов к делу. И пусть кто-то считает, что это излишество — Алексей знал: время дороже денег. А его чёрный «Мерседес» с водителем экономил именно время.

«Лучший навигатор — это опыт», — любил говорить Виктор. И Алексей с ним полностью соглашался.

Отдыхал Алексей тоже с размахом: зимой — горнолыжные курорты в Швейцарии, летом — вилла на Сардинии. Ещё и членство в каких-то закрытых клубах, куда простым смертным путь заказан. А гардероб — это отдельная история. Костюмы шил у итальянских портных, часы носил такие, что дешевле купить подержанный автомобиль, обувь — только ручной работы.

«Если ты зарабатываешь миллионы, глупо жить как студент», — любил он повторять. И правда: зачем себе в чём-то отказывать, когда всё получается?

С женщинами у Алексея тоже всё складывалось легко. Он был уверенным, остроумным, щедрым — конечно, они к нему тянулись. Он умел произвести впечатление: водил в самые модные рестораны, дарил дорогие подарки — парфюм, украшения, билеты на концерты. Но всегда держал дистанцию. Никаких глубоких разговоров, никаких планов на будущее — всё легко и ни к чему не обязывающе.

Романы у него были — яркие, запоминающиеся, но недолгие. Помню, мне рассказывал Алексей, как он встречался с балериной Алиной. Утончённая такая, загадочная, с фарфоровой кожей. Они три месяца были вместе, а потом Алексей вдруг отстранился. Он просто испугался: начал слишком много о ней думать, а это для него — красный флаг.

Потом была Карина, журналистка. Острая на язык, весёлая, с заразительным смехом. Она пыталась его «растопить», но Алексей — мастер держать дистанцию. Он чувствовал, что нравится женщинам, и поэтому очень часто их бросал. Ему становилось скучно и неинтересно.

Ещё помню историю с Софией, дизайнером интерьеров. Они полгода путешествовали вместе — Милан, Париж... Но в какой-то момент Алексей почувствовал, что она ждёт от него чего-то большего — эмоциональной близости, что ли. И снова сделал шаг назад. Вот таким был наш герой!

Он ценил в женщинах красоту, ум, харизму. Но по-настоящему никогда не влюблялся. Считал, что чувства — это что-то иррациональное, что может сбить с толку и помешать работе. «Любовь — это хорошо, но бизнес не ждёт», — шутил он. И в этой шутке была доля правды.

Работал Алексей много — по 12–14 часов в день. График расписан на месяцы вперёд: утренние планерки, переговоры, визиты в магазины, анализ трендов... Он не признавал полумер: если открывать бутик, то только в самом престижном районе. Если запускать новую линию одежды, то с привлечением звёздного стилиста. Коллеги иногда ворчали на его перфекционизм, но результаты говорили сами за себя.

А по вечерам, когда город затихал, Алексей иногда задумывался: а что, если всё это успех, деньги, красивые женщины — просто декорации? Он умел добиваться целей, но не умел привязываться. Дарил дорогие подарки, но не открывал душу. Улыбался на вечеринках, а потом возвращался в пустую квартиру.

Где-то глубоко внутри он понимал, что его страх перед настоящей близостью — это не сила, а слабость. Но признать это — значит начать меняться, а к переменам он пока не был готов. Да и зачем меняться. Жизнь прекрасна! И любви здесь нет места. Вот такая философия жизни.

Однажды он показывал мне фото в телефоне и остановился на снимке с Кариной — они смеялись на яхте в Каннах. На секунду ему показалось, что в её глазах было что-то большее, чем просто веселье. Что-то, чего он так старательно избегал. Но и эта девушка не смогла растопить сердце без любви...

Алексей просматривал фото своих бывших девушек, на мгновение о чём-то задумался, но тут же опомнился, закрыл галерею и открыл рабочий чат. Там сообщение от поставщика: «Ткань для новой коллекции задерживается на неделю». Алексей тут же набрал номер — привычно переключился в режим решения проблем. Всё как всегда. Всё под контролем.

Но где-то на краю сознания мелькнуло: «А если однажды я встречу ту, ради которой захочется потерять этот контроль?» Он отмахнулся от мысли. Работа ждала. «Чувства — это чепуха. Только больные неуравновешенные люди могут печалиться о другом человеке» — он так считал почти всю свою жизнь.

Знаете, у Алексея насчёт любви и отношений позиция чёткая, даже жёсткая. Он прямо говорит: «Любовь — слабость, отношения — риск». И это не просто броские фразы, а целая философия, которую он выстроил за годы и в которую искренне верил. Впервые я услышал от

него эти слова несколько назад. Мы сидели в моём кабинете после тяжёлого дня — он только что разорвал контракт с партнёром, который его подвёл. Я тогда спросил: «Лёш, а в личной жизни у тебя хоть кто-то есть?» Он усмехнулся, откинулся в кресле и сказал:

«Есть дела поважнее. Любовь затуманивает разум. Начинаешь думать не о целях, а о глазах напротив. А это — проигрыш».

Он объясняет свою позицию так. Любовь отключает рациональность. Когда влюбляешься, говорит он, начинаешь искать оправдания чужим ошибкам. Закрываешь глаза на недостатки и жертвуешь своими интересами. В обычной жизни это ещё можно понять, но в бизнесе такое недопустимо. Там нужно мыслить трезво, оценивать риски и принимать решения без оглядки на эмоции.

Привязанность делает уязвимым. Алексей уверен: чем сильнее ты к кому-то привязываешься, тем легче этим воспользоваться. Ты уже не свободен, а зависишь от настроения другого человека, от его слов и решений. Эта зависимость словно путы на ногах — мешает двигаться вперёд. По мнению Алексея, зависимость — это слабость, а в мире, где всё решают сила и расчёт, слабости недопустимы.

Отношения требуют времени и энергии. Алексей задавался вопросом: на что он должен это тратить? На долгие разговоры по душам, на выяснение отношений, на поиски компромиссов? У него есть чёткие цели, амбициозные проекты и важные дела. Каждая минута на счету, и он не может позволить себе расплываться. Время — ресурс ограниченный, и лучше вложить его в карьеру, в развитие, в достижение результатов.

Риск предательства слишком высок. Алексей не раз видел, как друзья страдали из-за измен, как распадались пары, которые всем казались идеальными. Он наблюдал боль, разочарование, разбитые надежды — и сделал вывод: такие риски не стоят мимолётного счастья.

«Зачем добровольно лезть в эту ловушку?» — пожимает он плечами. Сегодня ты счастлив, полон надежд и мечтаний, а завтра — раздавлен, опустошён, вынужден собирать себя по кусочкам. Алексей считает, что стабильность надёжнее. Лучше держаться на расстоянии, не подпускать никого слишком близко и сохранять контроль над своей жизнью.

Однажды мы с ним поспорили. Я сказал: «Но ведь рядом с кем-то можно и сильнее стать. Поддержка, понимание, тепло...» Он помолчал, потом ответил: «Поддержка — это хорошо. Но я предпочитаю, чтобы её давали друзья или коллеги, а не тот, кто в любой момент может уйти и забрать с собой половину твоей уверенности в себе. Я сам себе лучшая поддержка».

При этом он не циник. Он умеет быть внимательным, щедрым, даже трогательным — но всегда на своей дистанции. Дарит подарки, приглашает в рестораны, проводит время с женщинами... но никогда не позволяет отношениям стать важнее работы или выйти за рамки лёгкого, приятного общения.

Как-то раз я поймал его на противоречии. Сказал: «Ты же заботаешься о сестре, дружишь с Виктором, водителем, доверяешь команде. Это ведь тоже связь, привязанность». Он задумался, потом ответил:

«Это другое. Дружба и семья — это выбор и взаимное уважение. Там нет этой слепой эмоциональной зависимости, которая возникает в любви. Я знаю, чего ждать от близких. От любви — никогда».

В его глазах любовь — как азартная игра: может принести миг эйфории, но чаще оставляет с пустыми карманами и разбитыми надеждами. А Алексей привык играть только тогда, когда шансы на выигрыш просчитаны заранее. И знаете что? Его система работает.

Он успешен, собран, всегда на шаг впереди. Но иногда, когда он думает, что никто не смотрит, в его взгляде мелькает что-то... будто вопрос. Не вслух, а где-то внутри: «А вдруг я что-то упускаю?» Но вслух он этого никогда не скажет. Потому что для Алексея Воронцова главное — контроль. А любовь, по его мнению, — это как раз то, что его отвлекает.

Распорядок дня у Алексея — как часовой механизм: всё чётко, по минутам, без сюрпризов. Он сам так решил ещё лет десять назад: «Хаос крадёт время, а время — это ресурс, который не восполнишь».

Подъём — в 6:00 без будильника. Алексей говорит, что организм сам подстраивается под график, если держать его в строгости. Первые полчаса — медитация: «Не какая-то эзотерика, а просто пять минут тишины, чтобы отделить вчера от сегодня». Потом — зарядка, контрастный душ, завтрак. Овсянка, два яйца всмятку, зелёный чай. Всегда одно и то же: «Зачем тратить силы на выбор, если можно сразу знать, что будет?»

В 7:30 подъезжает Виктор, водитель. Пока едут в офис, Алексей просматривает почту, отвечает на срочные сообщения, слушает подкаст — обычно про технологии или экономику. Разговоры по дороге — только по делу. Если Виктор замечает пробку и предлагает объезд, Алексей кивает: «Действуй». Больше слов не нужно.

Офис встречает его уже проснувшимся: свет включён, кофе готов, на столе — папка с документами по утренней планерке. Он заходит ровно в 8:45, за пятнадцать минут до начала. Коллеги уже на местах, кто-то нервно перебирает бумаги, кто-то проверяет слайды. Алексей снимает пиджак, вешает на спинку кресла и говорит: «Начинаем».

Планерка — ровно 30 минут. Никаких отступлений от повестки. Каждый менеджер докладывает по своему направлению: цифры, сроки, проблемы. Алексей слушает, задаёт короткие вопросы, даёт чёткие указания. Если кто-то начинает «размазывать», он останавливает: «Суть в двух предложениях». Решения принимает быстро, без колебаний.

После планерки — рабочий поток: переговоры с поставщиками, встречи с потенциальными инвесторами, разбор финансовых отчётов, звонки в филиалы, согласование дизайна новых коллекций. Обедает Алексей обычно в соседнем ресторане — у него там постоянный столик. Заказ один и тот же: салат с тунцом, стейк средней прожарки, бокал красного. Официанты знают его в лицо, здороваются по имени. Разговор — короткий: «Всё как обычно, спасибо».

Знакомых у Алексея много, близких друзей — единицы. Он умеет быть обаятельным, когда надо: улыбнётся, пошутит, вспомнит имя, спросит о семье. Но дальше этого не идёт. Например, на вечеринке в честь открытия нового бутика он обходит зал, обменивается парой фраз с каждым гостем:

«Игорь, рад, что вы пришли. Как там ваш новый проект?»

«Елена, вы потрясающе выглядите. Ваш стиль — это всегда вдохновение».

«Пётр, спасибо, что поддержали нас. Давайте обсудим детали завтра за обедом».

Все довольны, все чувствуют себя важными. Но на следующий день Алексей не позвонит никому просто так — только если есть дело.

С женщинами — та же история. Он умеет произвести впечатление: приглашает в лучшие рестораны, дарит дорогие, но нейтральные подарки — духи, украшения, билеты на концерт. Но никогда не говорит о чувствах, не строит планов, не знакомит с сестрой или старыми друзьями. Всё легко, приятно, ни к чему не обязывает.

Иногда кто-то пытается прорваться за эту границу. Например, Марина, с которой он встречался полгода, как-то сказала: «Лёша, я хочу знать, что между нами. Ты такой закрытый — я не понимаю, что ты чувствуешь». Он улыбнулся, взял её за руку и мягко ответил: «Марина, давай не усложнять. Нам хорошо вместе — этого достаточно». Она вздохнула, но спорить не стала.

Наш герой странный человек. Вечерами он сначала заезжает в одно из развлекательных заведений. Там мужчина выбирает место целенаправленно — у него есть график, и каждый день он посещает определённые места. В понедельник это может быть стильный джаз-клуб с приглушённым светом и живой музыкой, во вторник — модный лаунж-бар с панорамным видом на город, в среду — уютное кафе с восточной кухней и мягкими диванами.

Алексей тщательно продумывает маршрут на неделю вперёд: сверяется с расписанием мероприятий, проверяет отзывы и даже учитывает погоду — в дождливую погоду предпочитает места с камерной атмосферой. Почти каждый вечер он в поисках таинственной жизни.

Он проводит там около часа. За это время он заказывает ужин — обычно что-то лёгкое: салат с морепродуктами, стейк средней прожарки или пасту с трюфельным соусом. Пока ждёт заказ, Алексей неторопливо осматривается, присматривается к окружающим. Он отмечает стиль одежды гостей, их манеру держаться, то, как они общаются между собой.

Потом он выбирает девушку и заводит с ней разговор. Чаще всего подходит ненавязчиво, с лёгкой улыбкой, начинает с какого-нибудь нейтрального замечания — о музыке, интерьере или блюде в меню. Он внимательно наблюдает за её манерами: как она держит бокал, как смеётся, как реагирует на его слова. Слушает, что она говорит, — не столько суть фраз, сколько интонацию, темп речи, наличие или отсутствие фальшивых ноток. Оценивает, насколько ему с ней комфортно: возникает ли естественная лёгкость в общении, есть ли искра взаимопонимания или всё кажется натянутым и искусственным.

Если девушка оказывается неинтересной, Алексей уходит. Он делает это без предупреждения, не тратя время на объяснения. Порой просто бросает короткое «извините» или вовсе ограничивается кивком, берёт пальто и направляется к выходу. Сразу после этого он даёт команду водителю, который ждёт неподалёку, — коротко и чётко называет адрес дома. Машина плавно трогается с места, а Алексей откидывается на спинку сиденья и закрывает глаза, мысленно отмечая в календаре следующее заведение для завтрашнего вечера.

Глава 2. Первые намёки

Всё началось с нелепой ситуации в кафе возле офиса Алексея. Он зашёл выпить кофе перед важной встречей, сел за столик у окна — оттуда открывался вид на оживлённую улицу со спешащими прохожими и яркими вывесками магазинов. Алексей поставил чашку ароматного американо на стол, достал ноутбук, открыл документы и погрузился в подготовку.

Он проверил расписание на день, пробежался глазами по заметкам к предстоящей презентации, сделал пару пометок. Солнце пробивалось сквозь стекло, рисуя на столешнице тёплые пятна света, а из колонок доносился мягкий джаз — всё располагало к сосредоточенной работе.

— Извините, все места заняты, можно я тут присяду? Но через минуту идиллию нарушил грохот: рядом с его столиком резко опустилась чья-то сумка. Звонкий голос произнёс:

Алексей поднял глаза и увидел девушку с копной рыжих волос, которые слегка растрепались, будто она только что бежала. На ней была чёрная кожаная куртка, слегка запылившаяся на плечах, джинсы с потёртостями и кеды с яркими шнурками. В руках она держала папку с эскизами — из неё торчали листы с набросками, цветными пятнами красок и карандашными линиями. Это была Анна.

Она стояла, слегка наклонив голову, и смотрела на него с надеждой, но в глазах читалась готовность отстаивать своё право на место. Её щёки были чуть покрасневшими, как будто она долго шла или волновалась.

— Вообще-то я работаю. И это место занято. Алексей окинул её холодным взглядом — от поношенных кед до взъерошенных волос — и резко ответил:

— Именно что помешаете, — отрезал Алексей. — Найдите другое место. — Но тут только ноутбук, — не сдавалась она, слегка приподняв брови. — Я тихонечко, не помешаю. Буду сидеть как мышка, честное слово! — она даже прижала ладони к груди в шутливом жесте.

— Знаете, с таким отношением к людям неудивительно, что вы сидите здесь в одиночестве. Анна на секунду замерла. Её улыбка, которая появилась было на губах, погасла. Потом она выпрямилась, вскинула подбородок и ответила — спокойно, но с металлом в голосе:

Она подхватила сумку, поправила папку с эскизами и отошла к свободному столику у стены. По дороге бросила короткий взгляд через плечо — не злобный, а скорее разочарованный.

Алексей нахмурился. Ему не понравилось, что ему посмели ответить в таком тоне, но ещё больше — что её слова задели его. Он попытался вернуться к документам, но строчки расплывались перед глазами. В голове снова и снова звучала фраза: «...вы сидите здесь в одиночестве». Он невольно бросил взгляд в сторону Анны: та уже развернула папку, достала карандаш и что-то быстро зарисовывала, полностью погрузившись в работу.

Кофе остывал в чашке, а Алексей вдруг поймал себя на мысли, что не может сосредоточиться. И впервые за долгое время задумался: может, в её словах была доля правды?

Через неделю судьба снова свела их — уже по делу. Анна оказалась дизайнером, которого агентство предложило для коллаборации по новой линии одежды. Когда помощник Алексея положил перед ним портфолио с её работами, он сразу узнал рыжеволосую незнакомку из кафе. Её эскизы были такими же яркими и смелыми, как и она сама: смелые линии, неожиданные цветовые сочетания, игра фактур. Алексей на мгновение замер, вспоминая тот разговор у окна, а потом резко открыл папку, будто пытаясь отогнать лишние мысли.

На первой встрече в офисе Алексей вёл себя нарочито холодно. Он сидел за своим массивным столом из тёмного дерева, сложив руки в замок, и листал её эскизы, не скрывая скепсиса. Кабинет был оформлен в строгом стиле: минималистичная мебель, на стене — пара

абстрактных картин в чёрных рамах, на полках — книги по бизнесу и экономике. За окном шумел город, но здесь, в этом пространстве, царила атмосфера жёсткой деловитости.

— Это вы называете коммерческим дизайном? — произнёс он, задерживая взгляд на одном из эскизов — платье с асимметричным кроем и контрастными вставками. — Кто вообще будет носить эти... конструкции? Выглядит так, будто модель собрали из разных частей.

Анна стояла напротив, прямо напротив его стола. Она была в свободном кремовом свитере и джинсах, волосы собраны в небрежный пучок, несколько прядей выбились и падали на лицо. В руках она держала блокнот и карандаш — будто была готова тут же внести правки или набросать новый вариант.

— Те, кто устал от одинаковых пиджаков и платьев, — спокойно ответила Анна. Её голос звучал ровно, без тени раздражения. — Вы просили свежий взгляд — я его даю. Хотите, чтобы всё было как у всех? Тогда зачем вообще затевать новую линию?

— Свежий — не значит продаваемый, — парировал Алексей, откидываясь на спинку кресла и скрещивая руки на груди. Он пытался найти слабые места в её аргументации, зацепиться за что-то, что подтвердило бы его изначальное мнение.

— А вы пробовали не думать только о продажах? — она подняла бровь, глядя ему прямо в глаза. — Иногда нужно рискнуть, чтобы вырваться вперёд. Мода — это не только цифры. Это эмоции, смелость, вызов. Иначе зачем вообще этим заниматься?

Он хотел осадить её, подобрать едкое замечание, которое поставило бы её на место. Но вдруг поймал себя на мысли: она не боится спорить. Большинство людей перед ним робели, опускали глаза, старались угодить. Подчинённые подбирали слова, партнёры взвешивали каждое высказывание. А эта девушка смотрела прямо, говорила то, что думает, и даже не пыталась подстроиться под его тон.

В кабинете повисла пауза. Алексей перевёл взгляд на эскизы — теперь он рассматривал их внимательнее. Яркие цвета уже не казались ему кричащими, а асимметрия — хаотичной. Он заметил продуманность деталей, игру линий, скрытую логику в кажущемся беспорядке.

— Допустим, — наконец произнёс он, чуть смягчив тон. — Но как вы это видите в реалиях нашего рынка? Как это продать?

Анна улыбнулась — не победно, а скорее приглашающе. Она подошла ближе к столу, открыла свой блокнот и быстро набросала несколько вариантов силуэтов.

— Вот здесь можно упростить крой, сохранив идею. Здесь — добавить акцентный элемент, который сделает вещь узнаваемой. А вот этот принт отлично сработает на аксессуарах. Смотрите, — она развернула блокнот к нему, — если мы объединим эти три эскиза, получится целая капсульная коллекция. Она будет выделяться, но при этом останется носибельной.

Алексей слушал и ловил себя на том, что впервые за долгое время ему действительно интересно. Он наклонился вперёд, взял карандаш и сделал пару пометок на полях её эскиза.

— Ладно, — сказал он. — Давайте попробуем проработать этот вариант подробнее. Но учтите: я не из тех, кто идёт на компромиссы просто так.

— Я это уже поняла, — улыбнулась Анна. — Но и я не из тех, кто сдаётся без боя.

Алексей на мгновение улыбнулся в ответ — впервые за эту встречу. Что-то в их перепалке, в столкновении взглядов, в этой игре аргументов начало его увлекать. Возможно, эта коллаборация окажется не такой уж рутинной.

Алексей стал замечать Анну на работе всё чаще. Она появлялась возле кулера с водой — смеялась с коллегами, поправляла рыжие волосы, выбившиеся из небрежного пучка, и жестикуюлировала, когда что-то увлечённо рассказывала. В общем зале Анна уверенно прохаживалась между столами, заглядывала в мониторы, обменивалась шутками с дизайнерами и программистами. Рядом с общими коллегами она держалась естественно, без тени стеснения, легко включалась в разговоры и порой остроумно парировала замечания.

Алексей, с одной стороны, злился. Ему казалось, что она нарочно оказывается там, где бывает он: задерживается у кулера, когда он идёт за водой, «случайно» оказывается в зоне его видимости в общем зале, вступает в беседы рядом с его рабочим местом. Он хмурился, отворачивался, старался не подавать виду, что замечает её, и мысленно укорял себя за то, что вообще обращает на неё внимание.

С другой стороны, он внутренне ликовал. Каждый раз, когда их взгляды случайно встречались, в груди что-то ёкало. Ему нравилось чувствовать своё превосходство — он ловил себя на мысли, что стоит чуть прямее, говорит чуть чётче, держится увереннее, когда Анна поблизости. Он отмечал, как она на мгновение задерживает на нём взгляд, чуть приподнимает бровь или улыбается краешком губ, будто знает какой-то секрет.

Ещё ему нравилась её дерзость и уверенность в себе. Анна не пыталась ему угодить, не робела перед ним, как многие другие. Она могла бросить шутливое замечание, когда он проходил мимо, или громко рассмеяться над чьей-то репликой, не заботясь о том, что подумают окружающие. Её непринуждённость и живой характер невольно притягивали внимание.

Иногда Алексей ловил себя на том, что ждёт её появления. Он делал вид, что сосредоточен на документах или разговоре с коллегой, но краем глаза следил за движением рыжего пятна в толпе. И когда Анна, проходя мимо, кивала ему или бросала короткое «привет», он старался ответить холодно и сдержанно. Но внутри, где-то глубоко, он улыбался — и злился на себя за эту улыбку ещё сильнее.

Каждый раз после таких встреч Алексей пытался убедить себя, что Анна его раздражает. Он хмурился, отворачивался, мысленно повторял: «Она слишком дерзкая, слишком вызывающая». Но в глубине души ловил себя на мысли, что ждёт этих случайных столкновений — с нетерпением, которого сам от себя не ожидал. Он замечал, как меняется его настроение, когда в коридоре мелькает рыжее пятно её свитера, как невольно ускоряется шаг, чтобы оказаться рядом, пусть даже для короткого обмена репликами.

Кульминация случилась на совещании по новой коллекции. В конференц-зале собрались ключевые сотрудники: дизайнеры, маркетологи, менеджеры. На экранах сменялись эскизы — аккуратные, выверенные, безопасные. Дизайнеры предлагали проверенные решения: классические силуэты, нейтральные цвета, универсальные фасоны. Атмосфера была спокойной, почти сонливой — все привыкли к такому подходу.

— Мы так никогда не выйдем на новый уровень! Это же повторение старых идей! Мы копируем сами себя, а рынок ждёт чего-то свежего. Посмотрите на тренды — всё движется в сторону смелых решений, ярких акцентов, нестандартных кроев. И тут снова выступила Анна. Она встала, подошла к экрану и указала на последний слайд:

— Реализм — это не бояться рисковать, — она повернулась к Алексею, глядя ему прямо в глаза. — Или вы готовы всю жизнь продавать одно и то же? Повторять, копировать, осторожничать? Разве это то, к чему вы стремились, когда запускали этот бренд? — Анна, будьте реалистом, — вмешался один из менеджеров, поправив очки. — Такие эксперименты отпугнут нашу аудиторию. Мы рискуем потерять лояльных клиентов.

В комнате повисла тишина. Все замерли, ожидая реакции Алексея. Он почувствовал на себе десятки взглядов — любопытных, напряжённых, выжидающих. Алексей посмотрел на Анну: она стояла, выпрямившись, с вызовом в глазах, сцепив пальцы, но не отводя взгляда. Было видно, что она готова отстаивать свою позицию до конца, даже если весь зал будет против.

— Она права. Оставляем её вариант. Разрабатываем дальше. Давайте обсудим, как адаптировать идею под наши возможности, но сохраним основную концепцию. Он помолчал несколько секунд, взвешивая слова. В голове проносились аргументы «за» и «против», но вдруг он отчётливо понял: Анна говорит то, что многие думают, но боятся произнести вслух. Её смелость, её искренность — это именно то, чего не хватало проекту. И вдруг он сказал:

— Только если место не будет «занято», — подмигнула Анна, и в её глазах мелькнула та самая искра, которая когда-то так разозлила его в кафе. После совещания Анна подошла к нему, когда остальные начали расходиться. Она слегка улыбнулась, но в глазах читалась напряженность: — Спасибо. Я думала, вы опять будете против. Честно говоря, уже приготовилась к спору. — Я и был против, — признался Алексей. — Пока не понял, что вы единственная, кто говорит то, что думает. А это в моём мире редкость. Большинство взвешивают каждое слово, подстраиваются, ищут компромисс ещё до того, как начнут говорить. — Значит, мы оба немного выбиваемся из привычного порядка вещей, — улыбнулась она, и в этой улыбке было что-то тёплое, почти дружеское. — Похоже на то, — он впервые за долгое время улыбнулся ей искренне, без привычной сдержанности. — Может, продолжим обсуждение за кофе? Без споров на этот раз. Просто поговорим.

Алексей рассмеялся — искренне, громко, так, что несколько коллег обернулись. Впервые за много лет он почувствовал, что его привычная система — работа, контроль, дистанция — дала трещину. Где-то внутри шевельнулось странное ощущение: возможно, это к лучшему.

После того совещания их рабочие контакты участились. Они обсуждали эскизы в кабинете Алексея, выбирали ткани в шоу-руме поставщиков, спорили о деталях кроя и фурнитуре. Анна показывала ему свои наброски, объясняла идеи, иногда горячо доказывала свою точку зрения. Алексей ловил себя на том, что слушает её с неподдельным интересом, замечает, как загораются её глаза, когда она говорит о дизайне, как она жестикулирует, подчёркивая важные моменты.

С каждым днём Алексей всё отчётливее осознавал: Анна его притягивает. Не только как талантливый специалист, но и как человек — с её энергией, искренностью, умением идти напролом. Но он тут же ставил себе мысленный блок: «Это просто симпатия, ничего больше». Он отводил взгляд, когда она наклонялась к нему, чтобы показать деталь на эскизе, старался держать дистанцию, напоминал себе о приоритетах. Но где-то глубоко внутри понимал: эта трещина в его системе становится всё шире — и, возможно, скоро её уже не получится игнорировать.

Он начал замечать мелочи, на которые раньше не обратил бы внимания. Заметил, как Анна, задумавшись над эскизом, закусывает нижнюю губу — совсем слегка, почти незаметно, но это выдавало её глубокую сосредоточенность. Увидел, как она откидывает прядь волос за ухо, когда нервничает перед презентацией идеи: движение было быстрым, почти нервным, но в то же время каким-то удивительно естественным.

Алексей стал подмечать, как её глаза загораются, когда она говорит о своём видении коллекции. В эти моменты взгляд становился ясным и острым, зрачки чуть расширялись, а в глубине радужки будто вспыхивали искорки вдохновения. Она могла увлечённо рассказывать о фактурах, силуэтах, цветовых сочетаниях — и в такие минуты казалась совершенно преображённой.

Ещё он обратил внимание, как она смеётся — негромко, но искренне, запрокидывая голову. Её смех звучал легко и свободно, без тени наигранности. Иногда он раздавался в общем зале, и Алексей невольно отвлекался от работы, прислушиваясь к этим звукам.

Однажды во время обсуждения цветовой палитры Анна наклонилась к нему, чтобы показать образец ткани. Она держала в руках два куска материала — один приглушённо-оливковый, другой ярко-коралловый — и сравнивала их, поднося ближе к свету. Алексей невольно проследил за её пальцами: тонкими, с коротко подстриженными ногтями, без лака — только маленькое серебряное колечко на среднем пальце.

В этот момент он уловил лёгкий аромат её духов — что-то свежее, с нотками бергамота и едва уловимой цитрусовой кислинкой. Запах был ненавязчивым, но запоминающимся. Алексей на секунду замер, застигнутый врасплох этим неожиданным ощущением. Воздух будто сгустился, а время на миг замедлило свой бег.

— Давайте сосредоточимся на деле. Потом он резко отодвинулся и сказал:

Его голос прозвучал чуть резче, чем обычно. Он поспешно взял в руки планшет с эскизами, делая вид, что изучает их с особым вниманием.

В тот вечер, возвращаясь домой, он поймал себя на том, что вспоминает её улыбку. Как она чуть прищуривает глаза, когда довольна результатом, как в уголках появляются маленькие морщинки — едва заметные, но такие живые. Перед глазами вставал образ: Анна, стоящая у окна с образцами тканей в руках, освещённая послеполуденным солнцем.

«Это просто симпатия, — твёрдо сказал он себе, глядя в окно мчащегося такси. — Она талантливый дизайнер, с ней интересно работать. Ничего больше».

Но мысль о её улыбке никак не выходила из головы. И аромат бергамота, казалось, всё ещё витал где-то рядом — будто напоминание о том, что его привычная система начинает давать трещины. Алексей вздохнул, поправил галстук и постарался сосредоточиться на завтрашних встречах. Однако, где-то внутри уже зрело понимание: эти «мелочи» больше не будут игнорироваться.

Следующие дни стали для Алексея настоящим испытанием. Он ловил себя на том, что ищет любой повод позвонить Анне — не по работе, а просто так. Придумывал несуществующие вопросы по проекту, чтобы услышать её голос, или «случайно» заходил в отдел дизайна, будто бы по другому делу. Он ждал её появления в офисе с нетерпением, которого сам от себя не ожидал. Заметил, что сегодня она в свободном сером свитере с высоким воротом и узких чёрных брюках, а вчера была в ярко-синем платье с геометрическим принтом. Отмечал, как она по-разному укладывает волосы: то собирает в небрежный пучок, то заплетает косу, то просто оставляет распущенными.

Внутренний голос шептал: «Она другая. С ней ты можешь быть не только боссом, а просто человеком. Не нужно держать оборону, не нужно постоянно контролировать каждое слово и жест. Можно расслабиться, пошутить, поделиться тем, что на душе». Мысль эта была такой манящей, такой непривычной — будто открывалась дверь в какой-то другой мир.

Но Алексей тут же обрывал эти мысли, словно отдёргивая себя от опасной черты: «Стоп. Это опасно. Привяжешься — потеряешь контроль. А контроль — это основа всего. Без него хаос, уязвимость, слабость. Ты строил свою жизнь годами, выстраивал границы, учился не подпускать близко. Не позволяй одному человеку всё это разрушить».

На встрече с инвесторами, когда Анна уверенно отстаивала свою концепцию, Алексей невольно залюбовался её уверенностью. Она стояла у доски с диаграммами и графиками, говорила чётко и аргументированно, не поддаваясь давлению со стороны скептически настроенных гостей. Её голос звучал твёрдо, но без агрессии, она приводила цифры, ссылаясь на исследования, при этом оставалась открытой к диалогу.

Алексей наблюдал за ней и не мог не отметить, как хорошо она держится. Как не теряется под пристальными взглядами, как парирует замечания, как умеет и настоять на своём, и пойти на разумный компромисс. «Умная, сильная, яркая...» — пронеслось у него в голове. Он поймал себя на том, что любит её жестами — как она указывает на график, как слегка наклоняет голову, слушая оппонента, как на мгновение сжимает пальцы, собираясь с мыслями.

Но он тут же одёрнул себя: «Хватит. Это рабочая ситуация. Ты оцениваешь её профессионализм, а не личные качества. Она хороший специалист — вот и всё. Не ищи здесь ничего другого».

После встречи Алексей задержался у окна в коридоре. В голове крутились её слова, интонации, движения. Он машинально достал телефон — пальцы сами потянулись к её контакту. Но он замер, сжал телефон в ладони и глубоко вздохнул. «Работа. Только работа», — повторил он про себя.

Однако, возвращаясь в кабинет, он невольно улыбнулся, вспомнив, как Анна в конце встречи подмигнула ему — едва заметно, только для него. И эта улыбка, этот короткий жест

никак не выходили из головы. Алексей сел за стол, открыл ноутбук, попытался сосредоточиться на отчётах. Но где-то внутри уже зрело понимание: его внутренний барьер даёт трещину, а привычный мир, выстроенный на контроле и дистанции, начинает меняться — и, возможно, это не так уж плохо.

Чтобы подавить растущее чувство, Алексей решил увеличить дистанцию. Он стал реже инициировать встречи — теперь ждал, пока Анна сама обратится к нему. Раньше он мог зайти в отдел дизайна «на минутку», чтобы обсудить какой-нибудь нюанс проекта, а теперь избегал этих спонтанных визитов. Вместо того чтобы подойти лично, отправлял короткие письма по электронной почте или сообщения в рабочем чате — сухие, деловые, без намёка на неформальное общение.

На совещаниях старался не смотреть на неё дольше пары секунд. Когда Анна выступала с докладом, он делал вид, что внимательно изучает документы перед собой, изредка поднимая глаза — ровно на столько, чтобы создать видимость вовлечённости. Если их взгляды случайно встречались, он тут же отводил взгляд, делая вид, что заметил что-то важное в блокноте или на экране ноутбука.

Когда она предлагала обсудить что-то за кофе, отвечал: «Давай позже, сейчас много дел». В его голосе звучала нарочитая деловитость, почти холодность. Он замечал, как в такие моменты в её глазах мелькало недоумение, но старался не придавать этому значения. Однажды Анна, не сдаваясь, добавила: «Всего десять минут, обещаю не отвлекать надолго». Алексей лишь покачал головой и, чуть смягчив тон, повторил: «Извини, правда сейчас не могу».

Вечером, если вдруг всплывал её образ — улыбка, жест, интонация, — он тут же переключался на рабочие задачи. Открывал отчёты, проверял графики поставок, составлял планы на следующую неделю, погружался в цифры и таблицы, стараясь заполнить голову чем угодно, только не мыслями об Анне. Иногда засиживался допоздна, разбирая накопившиеся документы, — лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями.

Она улыбнулась — не широко, а едва заметно, — и отошла в сторону, оставив его одного посреди коридора. Однажды Анна заметила его отстранённость. Она подошла к нему в коридоре, когда он направлялся в кабинет, и осторожно коснулась его рукава: — Алексей, что-то не так? Ты стал каким-то далёким. В голосе её звучала искренняя озабоченность, а в глазах читалось неподдельное беспокойство. — Всё в порядке, — коротко ответил он, стараясь не смотреть ей в глаза. — Просто много работы. Нужно сосредоточиться. — Понятно, — она слегка нахмурилась, но не стала настаивать. На мгновение повисла пауза, а потом Анна добавила чуть тише: — Если что-то случится... ты можешь со мной поговорить. Правда.

Когда она отошла, Алексей сжал пальцами переносицу, пытаясь унять странное ощущение в груди. «Зачем я это сделал? — подумал он. — Она же ничего не сделала, чтобы заслужить такое отношение». Он представил, как легко было бы сейчас пойти за ней, сказать: «Прости, я веду себя глупо», — и всё объяснить. Но тут же нашёлся аргумент: «Так лучше. Для нас обоих. Это просто симпатия. Ничего больше. И она пройдёт».

Он глубоко вздохнул, расправил плечи и направился в кабинет. По дороге достал телефон, открыл календарь и начал вносить новые задачи — плотный график должен был помочь ему вернуть контроль над ситуацией. Но где-то на краю сознания всё равно звучал её голос: «Если что-то случится... ты можешь со мной поговорить». И эта фраза, произнесённая так просто и искренне, никак не хотела стираться из памяти.

Через неделю произошёл случай, который заставил его по-новому взглянуть на свои чувства. Анна заболела и не пришла на важную встречу — впервые за всё время их совместной работы. Алексей узнал об этом утром: ему пришло короткое письмо от её ассистента с извинениями и сообщением, что Анна лежит с высокой температурой и не может присутствовать.

Вместо неё приехал её ассистент — молодой парень в строгом костюме, с аккуратно подстриженной бородой и папкой документов в руках. Он старался держаться уверенно, но было

видно, что ему не хватает опыта. Без Анны всё пошло не так: дизайнеры спорили между собой, не могли прийти к единому решению, сроки срывались, а идеи, которые раньше казались перспективными, теперь выглядели плоскими и невыразительными.

Алексей сидел во главе стола, слушал бесконечные споры и чувствовал, как нарастает раздражение. Он пытался взять ситуацию в свои руки, направлял обсуждение, предлагал варианты — но всё равно чего-то не хватало. И вдруг он осознал: без Анны всё стало каким-то серым. Офис, который обычно наполнялся её энергией, теперь казался тихим и безжизненным. Даже свет люминесцентных ламп будто потускнел, а стены, выкрашенные в нейтральный бежевый, выглядели уныло.

Он ловил себя на мысли, что ждёт, когда откроется дверь и войдёт она — с папкой эскизов под мышкой, с лёгкой улыбкой, готовая спорить и убеждать. Представлял, как она встанет у доски, возьмёт маркер и одним чётким движением нарисует схему, которая сразу расставит всё по местам. Как скажет что-то резкое, но меткое, и все тут же перестанут препираться и начнут работать. Как бросит ему короткий взгляд — чуть насмешливый, но полный уверенности, — и атмосфера в комнате мгновенно изменится.

Встреча затянулась на два часа дольше запланированного. Когда все наконец разошлись, Алексей остался один в кабинете. Он откинулся на спинку кресла, посмотрел в окно на огни вечернего города и глубоко вздохнул. В офисе уже почти никого не было, только где-то вдалеке слышались шаги уборщиков. Тишину нарушало лишь тиканье настенных часов.

Вечером, оставшись один в кабинете, он признался себе в том, что так долго отрицал: «Это не просто симпатия». Слова прозвучали в голове отчётливо, без привычной маскировки рациональными объяснениями. Но тут же добавил: «И что с того? Ничего не изменится. Работа — на первом месте. Всегда». Он повторил эту фразу несколько раз, будто пытаясь вбить её в сознание как главный принцип жизни.

Он выключил свет и вышел из офиса. В лифте посмотрел на своё отражение в зеркальной стене — уставшее лицо, тени под глазами, галстук чуть ослаблен. «Надо выспаться», — подумал он, но знал, что сон вряд ли придёт легко.

В голове крутилась её фраза, сказанная однажды во время спора о новой коллекции: «Иногда нужно рискнуть, чтобы вырваться вперёд». Алексей усмехнулся. «Риск — это не про меня, — подумал он. — Контроль. Расчёт. Стабильность. Так было, так есть и так будет». Он повторил эти слова как мантру, пытаясь вернуть привычное ощущение порядка в мыслях.

Но где-то глубоко внутри он понимал: что-то уже изменилось. И возможно, он больше не сможет так легко подавлять эти чувства, как раньше. По дороге домой он поймал себя на том, что набирает её номер — пальцы сами нашли контакт в телефоне. Он замер, глядя на экран, потом медленно опустил руку и убрал телефон в карман. Вместо этого отправил короткое сообщение: «Как самочувствие? Надеюсь, скоро поправишься». Нажал «отправить» и почувствовал, как внутри что-то дрогнуло — впервые за долгое время он сделал шаг не по плану, а по велению сердца.

После нескольких недель совместной работы над коллекцией коллеги начали подмечать, что Алексей ведёт себя с Анной не так, как с другими. Сначала это были мелкие замечания, брошенные вскользь, но постепенно они стали звучать всё чаще — и уже не только в шуточной форме.

Но Игорь лишь усмехнулся и переглянулся с другим сотрудником. На одном из совещаний, когда Анна уверенно отстаивала свою идею, а Алексей не стал её перебивать (что было нехарактерно для него), его помощник Игорь бросил вполголоса коллеге: — Смотри-ка, Воронцов молчит. Впервые за полгода кто-то его переспорил — и он согласился. — Да не согласился, а задумался, — машинально ответил Алексей, хотя сам понимал, что просто дал ей договорить. — Ну да, задумался, — подмигнул Игорь. — И взгляд такой... заинтересованный. Алексей метнул на него строгий взгляд: — Не носи чушь. Она просто привела убедительные аргументы.

Слухи поползли быстро — будто кто-то бросил искру в сухую траву. В офисе начали шептаться, переглядываться, понижать голоса, когда Алексей проходил мимо. Он ловил обрывки фраз в коридоре, замечал, как коллеги замолкали при его появлении, а потом снова принимались обсуждать что-то с удвоенным оживлением.

Алексей встретился с другом Сергеем в их любимом кафе — том самом, где они ещё студентами проводили вечера за чашками кофе и спорами о будущем. За окном шёл мелкий осенний дождь, капли стекали по стеклу, а внутри было тепло и уютно: пахло свежей выпечкой, из колонок доносился мягкий джаз, а на столиках горели небольшие свечи в стеклянных подсвечниках.

Друзья чокнулись чашками, и Алексей почувствовал, как внутри становится легче — будто он наконец сделал первый шаг к чему-то новому, пусть и немного пугающему. Сергей, как всегда, был весёлым и лёгким на подъём. Он вошёл в кафе с широкой улыбкой, стряхнул капли дождя с куртки и плюхнулся на стул напротив Алексея. — Ну, рассказывай, — сразу начал он, подмигивая. — Что там у тебя с этой загадочной Анной? Ты весь светишься, будто нашёл клад. Алексей невольно улыбнулся, но тут же попытался принять серьёзный вид. — Да ничего особенного, — пожал он плечами. — Работаем вместе над проектом. Она талантливый дизайнер, вот и всё. Сергей откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на друга. Его глаза весело блестели — он явно что-то задумал. — О-о-о, «талантливый дизайнер», — протянул он с нарочитой серьёзностью. — Конечно, только поэтому ты каждые пять минут проверяешь телефон, вздыхаешь и мечтательно смотришь в окно. Алексей, дружище, ты себя со стороны видел? Алексей почувствовал, как слегка краснеют уши, но не смог сдержать улыбку. — Да ну тебя, — махнул он рукой. — Просто проект важный, вот и волнуюсь. — Важный проект, конечно, — закивал Сергей с преувеличенным пониманием. — И поэтому ты, как страус, прячешь голову в песок перед красивой женщиной. Вместо того чтобы признать, что она тебе нравится, ты убеждаешь себя и всех вокруг, что это просто работа. Алексей на мгновение замер, а потом громко рассмеялся. Картина, которую нарисовал Сергей, оказалась настолько яркой и нелепой, что он представил себя в роли страуса, неуклюже прячущегося за документами и отчётами. Он представил, как стоит в офисе, уткнувшись носом в монитор, а где-то рядом ходит Анна — и он делает вид, что её не существует. — Страус, значит, — всё ещё смеясь, повторил Алексей. — Ну ты даёшь, Серёг. — А что, очень похоже! — не унимался Сергей, довольный своей шуткой. — Ты даже ходишь теперь по-другому: плечи расправлены, подбородок выше, будто готовишься к параду. И взгляд такой... задумчивый. Раньше ты так только на бизнес-планы смотрел, а теперь — на неё. Алексей покачал головой, всё ещё улыбаясь. Он вдруг осознал, насколько очевидно его поведение выглядело со стороны. Все эти попытки дистанцироваться, строгие ответы, нарочитая деловитость — всё это действительно напоминало страуса, который надеется, что если не видеть проблему, она исчезнет. — Ладно, — признался он, уже не пытаясь отрицать очевидное. — Может, ты и прав. Она... необычная. И да, она мне нравится. Но это всё так сложно. Работа, репутация, правила, которые я сам себе установил... — Эй, — Сергей наклонился вперёд и положил руку на плечо друга. — Жизнь вообще сложная штука. Но иногда стоит рискнуть и выйти из-за своего «песка». В конце концов, что плохого в том, чтобы быть честным с самим собой и с другим человеком? Алексей помолчал, глядя в окно на стекающие по стеклу капли дождя. В душе у него что-то сдвинулось — впервые он позволил себе признать свои чувства не только мысленно, но и вслух. — Спасибо, Серёг, — тихо сказал он. — Наверное, ты прав. Пора перестать играть в страуса. Сергей широко улыбнулся и поднял чашку кофе. — Вот это другой разговор! За смелость и честность — даже если она пугает до дрожи.

Каждый раз, когда кто-то намекал на его интерес к Анне, Алексей злился — но не столько на них, сколько на себя. Потому что в глубине души знал: они правы. Внутри него будто шла

непрерывная борьба — разум твердил о профессионализме и границах, а сердце подбрасывало воспоминания о её улыбке, смехе, жестах.

Он ловил себя на том, что замечает, во что она одета. Утром, увидев её в светло-бежевом пальто и шарфе в клетку, он потом весь день невольно вспоминал этот образ. Или когда она пришла в ярко-синем платье с асимметричным подолом — он отметил про себя, как хорошо оно на ней сидит, и тут же мысленно одёрнул себя: «Это не твоё дело».

Запоминает, какой кофе она заказывает. В столовой он случайно услышал, как она просит баристу сделать американо с миндальным молоком и без сахара, и эта деталь почему-то прочно засела в памяти. На следующий день, проходя мимо кофейного автомата, он машинально подумал: «Анна бы это не выбрала».

Ждёт её мнения по вопросам, которые формально её не касаются. На совещании по маркетингу он вдруг спросил: «А как ты считаешь, Анна? Будет ли такая подача продукта привлекать целевую аудиторию?» — хотя её роль в проекте не предполагала участия в обсуждении стратегии продвижения. И когда она начала рассуждать о визуальном восприятии бренда, он ловил каждое слово, кивал, делал пометки в блокноте.

Задерживает взгляд на её улыбке чуть дольше, чем нужно. Когда она смеялась над чьей-то шуткой, он не мог отвести глаз: как приподнимаются уголки её губ, как слегка прищуриваются глаза, как на щеке появляется маленькая ямочка. Потом спохватывался, делал вид, что смотрит на часы или листает документы, но внутри всё сжималось от осознания: он теряет контроль.

Но вслух он повторял одно и то же: «Это просто симпатия. Профессиональное уважение. Ничего больше». Фраза стала его мантрой, которую он проговаривал про себя по утрам, перед выходом из дома, в лифте, по дороге в кабинет.

В такие моменты он сжимал ручку в руке чуть сильнее, делал глубокий вдох и напоминал себе о правилах, которые построил годами. Но где-то глубоко внутри понимал: эти правила уже не держат его так крепко, как раньше. И возможно, пришло время признать то, что давно стало очевидным — не только для окружающих, но и для него самого. Однажды Анна подошла к нему в коридоре, когда он просматривал бумаги. Её волосы были собраны в небрежный пучок, несколько прядей выбились и падали на лицо. Она слегка нахмурилась и спросила: — Алексей, а почему ты всегда такой напряжённый, когда про нас с тобой что-то говорят? Ты будто замыкаешься, отгораживаешься. — Потому что это нелепо, — коротко ответил он, стараясь говорить ровно. — Мы коллеги. И я не хочу, чтобы в офисе ходили сплетни. Это мешает работе. — Но ведь это не сплетни, если это правда, — мягко сказала она, глядя ему прямо в глаза. В её взгляде не было вызова, только искреннее желание понять. — Ничего этого нет, — он встал и отошёл к окну, спиной чувствуя её взгляд. Стекло было чуть запотевшим, он провёл пальцем по поверхности, рисуя абстрактные линии. — И давай закроем тему. Чем больше люди замечали его интерес, тем яростнее Алексей его отрицал. Он ужесточил график, стал задерживаться в офисе допоздна, избегал неформального общения. Вместо того чтобы присоединиться к общему чаепитию, уходил в переговорную с ноутбуком. Когда коллеги звали его на обед, ссылаясь на срочные звонки. «Я контролирую ситуацию, — повторял он себе, раскладывая документы по папкам в десятый раз за вечер. — Это просто этап. Профессиональное взаимодействие. Никаких эмоций». Но каждый раз, когда Анна входила в комнату, его сердце пропускало удар — и он снова убеждался: отрицать очевидное становится всё труднее. Её присутствие наполняло пространство энергией: он слышал звук её шагов ещё до того, как она появлялась в дверях, улавливал тонкий аромат духов с нотк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.